

ДЕТИ

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ГЕРЦЕН

ПИСЬМА А.А. ГЕРЦЕНА

ГЕРЦЕНУ, Н.А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНОЙ),

ТАТЕ И ОЛЬГЕ ГЕРЦЕН,

С.Л. ЛЕВИЦКОМУ, НИКОЛАЮ II, ОГАРЕВУ, Л. ПЬЯНЧАНИ,

А.А. ТУЧКОВУ И С. ТХОРЖЕВСКОМУ

ПРИЛОЖЕНИЕ: Объяснительная записка о наследстве Герцена

Статья Л.И. М а т ю ш е н к о, публикации С.Д. Л и щ и н е р, Л.И. М а т ю ш е н к о,
М. М е р в о (Руан), И.Г. П т у ш к и н о й и И.М. Р у д о й*

В кругах европейских ученых-естествоиспытателей последней трети XIX – начала XX в. старший сын Герцена Александр Александрович *Герцен* (1839–1906) был известен своими трудами в области физиологии высшей нервной деятельности. Он возглавлял кафедры физиологии сначала во Флорентийском, а затем в Лозаннском университетах. Работы А.А. Герцена как ученого-физиолога, прогрессивная преподавательская и научно-популяризаторская деятельность в крупнейших научных центрах Европы, его связь в 1861–1863 гг. с русским и польским революционными движениями заслуживают внимания и безотносительно к имени и деятельности его отца. Биография А.А. Герцена, нашедшая отражение в переписке его родных, в воспоминаниях людей, близких его семье, самая судьба его как личности также интересны во многих отношениях – в частности, как судьба представителя второго поколения русской революционной эмиграции XIX в.

Однако главная причина нашего интереса к А.А. Герцену, конечно, в том, что он был сыном Герцена.

Известно, какое значение проблема отцов и детей имеет в литературе. Еще большее значение имеют взаимоотношения отцов и детей в реальной действительности, неумолимо, без художественных опосредствований проверяющей нравственные нормы, философские позиции, выносящей социальные и политические приговоры. Говоря в “Письмах из Франции и Италии” о “нравственных переворотах”, Герцен подчеркивает, что они “тогда совершаются действительно, когда они делаются истиной около очага...” (V, 39). Ему же принадлежит знаменательное высказывание: “Револ(юция) не в револ(юцию), пока она не пройдет по детской, etc.” (XXV, 67).

Взаимоотношения Герцена со своими детьми, со старшим сыном, в первую очередь, представляют с этой точки зрения очень большой интерес.

* С.Д. Л и щ и н е р публикует письмо С.Л. Левицкому; Л.И. М а т ю ш е н к о – Герцену (п. 3–5), Тате и Ольге Герцен (п. 4–5), Огареву, Л. Пьянчани, С. Тхоржевскому, а также “Объяснительную записку”; И.Г. П т у ш к и н а – А.А. Тучкову; И.М. Р у д а я – Герцену (п. 1–2), Н.А. Герцен (Захарьиной), Тате и Ольге Герцен (п. 1–3).

Перед нами конкретная и документально прослеживаемая история того, как Герцен и Огарев влияли на следующее поколение. В воспитании детей Герцена проходил проверку жизнью его идеал “нового человека”. Эта проверка осуществлялась в условиях русской и европейской действительности 1840–1860-х годов, отмеченной взлетом просветительской идеологии, а затем ее кризисом, по-своему ощутимым и в сфере нравственности.

Характерно, что такой важный у Герцена критерий нравственной оценки, как свобода, применявшийся им к лицам, историческим движениям, социальным устройствам, целым эпохам, в 1860-е годы переосмысливается в связи с его переживаниями, вызванными болезнью старшей дочери Таты, ее личной драмой. Кризис просветительских идей нашел отражение и в противоречиях гуманистической этики Герцена и Огарева, позволяющих по-новому ее осмыслить. Именно во взаимоотношениях с детьми, а в еще большей степени в их судьбах, эти противоречия обнаруживают и перспективы дальнейшего развития передовых идей в области нравственности. Некоторые из них через горькие, но плодотворные раздумья успеет наметить сам Герцен.

С первых же часов своего отцовства, даже с ожидания его, и до последних дней, Герцен оozнавал значение детей в своей жизни.

Семья, дети помогали Герцену уже в конце 1830-х – начале 1840-х годов преодолевать романтическую абстрактность миропонимания, укрепляя “реальность” его натуры. “В действительную жизнь, в действительное спасение вышел я женитьбой”, – признавался Герцен (XXIII, 34). Характерно, что рождение детей существенно сказалось и на мировоззрении его жены – Н.А. Герцен. Вскоре после появления второго сына, Коли, она писала о детях: “Пусть они выйдут *люди*, и не надо мне вечности, о которой я так хлопотала” (XXII, 179).

Если в “Былом и думах” автобиографический герой выступает перед нами во всем богатстве проявлений в нем жизни, если наряду с историческим значением личности и ее свободой важнейшим критерием оценки судьбы человека для Герцена является его счастье или несчастье, то этим своим качеством великая книга русской и мировой литературы в значительной мере обязана и необыкновенной семейной жизни Герцена.

Имея в виду широкого адресата своей книги в настоящем и будущем, Герцен все же обращается с ней в первую очередь к самым близким людям – Огареву, своим детям, друзьям. Не случайно чтение “Былого и дум” станет жизненно важным моментом во взаимоотношениях Герцена с детьми, в их воспитании. Адресованность детям в особенности сказалась на изображении Натальи Александровны и Огарева, на их поэтизации в книге. В этой мысли укрепляет публикуемое в книге 1-й настоящего тома письмо Герцена к сыну от 1 января 1859 г.

Роль детей как читателей его воспоминаний подчеркивает и позднейшая дневниковая запись Герцена, связанная с потребностью закрепить в обобщении гибель своих детей-близнецов. 29 ноября 1868 г. Герцен записывает: “Опять приближается страшная годовщина – смерти детей. Сколько раз хотел я записать для себя – для детей – эти дни, эти ночи, страшное 4 декабря – нет, не могу” (XX, 611).

Герцен был необыкновенным отцом. Неизгладимое впечатление оставляет его портрет с младенцем-сыном¹.

“Что же любовь отца в сравнении с материнской *болью* любви”, – спрашивал он в “Былом и думах” (X, 302)². Но он был несправедлив к себе, т.к. сам наделен был даром проникновенной и тревожной любви к детям, которая естественно присуща матери. Это видно хотя бы из письма его к сыну от 1 января 1859 г., где даются столь проникновенные характеристики дочерей, которые могли быть продиктованы именно болью любви, близкой к материнской.

Чувствуя “огромность дела отцовского” (XXII, 33), Герцен сознавал родительские задачи неотделимыми от своих общественных идеалов и борьбы за их осуществление. В одном из писем к М.К. Рейхель Герцен скажет со свойственной его стилю афористичностью: “Дети входят во всё” (XXIV, 278). Очень характерен также контекст, в котором упомянуты дети в письме Герцена к Мальвине Мейзенбург от 13 августа 1853 г.: “Есть одна вещь, которую я люблю до безумия в своей жизни, – это независимость (...) И еще дети (...) Единственное, что мне остается, – это еще энергия борьбы, и я буду бороться. Борьба – моя поэзия” (XXV, 89). Поэтому духовная, а затем идейная близость с детьми – одна из первостепенных жизненных установок Герцена.

Детям принадлежит особое место в период духовной и семейной драмы Герцена: в самые страшные дни после июньских событий 1848 г. в Париже порой казалось, что “живого, родного не было ничего, кроме детей” (X, 131). С ними было связано то светлое начало, которое не позволило душе окончательно сломиться: “Вспоминаю бывшее, наших друзей, вспоминаю недавние картины римской жизни, возле кровати спящих детей, или глядя на их игру, душа настраивалась, как прежде, как некогда, – писал Герцен, – на нее веяло свежестью, молодой по-

эзией, полной кроткой гармонии, на сердце становилось хорошо, тихо, и под влиянием такого вечера легче жилось день, другой!" (X, 109).

Свидетельством непрерываемой внутренней связи с детьми, неустанной заботы о них являются и письма Герцена.

Переживая "крах воззрений" после революции 1848 г., Герцен связывает с детьми свои надежды. "Моя будущность переломлена, – писал он жене 20 июня 1851 г. – И вот тут-то и призвание детей, рода – продолжать личный труд, сменить уставшего (...) Но, если и дети пойдут в другую сторону ... это будет моя вина" (XXIV, 185). В этом свете особое значение приобретало посвящение сыну книги "С того берега" – самого любимого своего произведения об этой эпохе.

Долг перед детьми, любовь к детям связывают Герцена с жизнью в самые тяжелые для него дни семейной драмы и болезни Натальи Александровны. В первых дошедших до нас строках Герцена к Огареву и Н.А. Тучковой-Огаревой после смерти жены читаем: "Я существую потому, что мне предстоит выполнить безмерный долг, и я его выполняю" (см. книгу 1-ю наст. тома). В этом "безмерном долге" наиважнейшее место занимали дети.

Саше было около восьми лет, когда Герцены уезжали за границу. Самые ранние впечатления его жизни были связаны с Россией, с русской природой. Лето 1843–1844 гг. он провел в Покровском, а следующее – в Соколове. Самым существованием своим сын напоминал Герцену Наталью Александровну и лучшие годы их жизни. Не могли не быть дороги Герцену и другие общие воспоминания. Саша помнил бабушку Луизу Ивановну и дедушку Ивана Алексеевича (публикацию письма последнего к внуку см. в книге 1-й наст. тома), других родных и близких людей. Сам Герцен в детстве слушал рассказы няни о 1812 г., видел и слушал генералов Отечественной войны, был знаком с выдающимися людьми XVIII – первой четверти XIX в., видел Пушкина. Первые семейные привязанности маленького Саши относились к замечательным людям России 1840-х годов. С ним, ребенком, играл Белинский, он, возможно, прислушивался и к прочитанным в их доме для его матери лекциям Грановского.

В преодолении Герценом духовной драмы, наряду с работой теоретической мысли, наряду с сознанием своей роли в революционном движении России, сыграла, таким образом, роль и его любовь к детям, ответственность за их судьбу.

И позднее, во второй половине 1860-х годов, когда намечался новый период в идейном развитии Герцена, дети по-особому связывали его с жизнью. Личность Герцена в этот период выступает наиболее цельной и гармоничной именно в общении с детьми, в его письмах к ним.

Восстанавливая по дошедшим до нас документам историю воспитания и жизненный путь старшего сына Герцена, мы имеем возможность наблюдать одно из направлений, по которому воплощались идеи Герцена, видеть конкретно, что ему удавалось и что не удавалось, задуматься над причинами его удач и неудач.

Александр Александрович родился 13 июня 1839 г. во Владимире – в самый счастливый период жизни своих родителей. Именно с этим временем ("владимирское житье") в наибольшей степени связаны представления Герцена о полноте жизни. "Он как-то неразделен стал и с тобою, и с нашей любовью, и с самой жизнью", – писал Герцен жене через полгода после рождения сына в момент недолгой разлуки с семьей (XXII, 69).

"Вчера в 12 утра явился на свет Александр Герцен II", – сообщал Герцен А.Л. Витбергу об этом счастливом событии (XXII, 32).

Письма к близким друзьям доносят до нас восторженные чувства отца. В том же письме к Витбергу читаем: "Я плакал, я стоял на коленях перед распятием, я дрожал от страха, и этот страх происходил не от одного вида ее страданий, а от огромности дела отцовского" (XXII, 32–33). Через три дня – Н.И. и Т.А. Астраковым: "Рассказать вам, как было, что я перечувствовал, передумал – не берусь. Минута торжественная, великая, сколько мучений и радости, страданий и восторгов слиты тут вместе, молитва, слеза, улыбка, первое благословение, мысль ответственности" (XXII, 33).

Описывая в "Былом и думах" день появления на свет сына, Герцен и через пятнадцать лет, на чужбине, помнит все подробности происходившего. С точностью художнической памяти он воссоздает то июньское утро 1839 г., когда он выбежал встретить экипаж с доктором: "Все было тихо, едва-едва утренний ветер шелестил в саду, в теплом июньском воздухе; птицы начинали петь, алая заря слегка подкрашивала лист..." (VIII, 386). Герцен воссоздает богатство и драматизм переживаемых им чувств: страх, радость, боль счастья. Это описание Герцен вспомнит незадолго до рождения внука Владимира. А имя его радостно примет как память о городе, с которым были связаны счастливые дни его личной жизни (VIII, 386).

С рождением сына пришло и то понимание роли женщины-матери, ее общественного значения, которое станет неотъемлемой стороной мировоззрения Герцена.

ГЕРЦЕН С СЫНОМ САШЕЙ

Портрет работы А.Л. Витберга (?) (масло). (Петербург, 1840)

Музей Герцена, Москва

“Иди в жизнь, иди на службу человечеству, я тебя обрек на трудный путь, иди, благословляю тебя. – Может погибнешь, но пронесешь чистую душу. Всею силою отца, всею силою воспитателя, всею силою магнетизма поведу я тебя по пути, не мною избранному для тебя, а Богом для человечества” (Герцен. Дневник. 25 июня 1839 г.)

Не случайно страницы “Былого и дум”, где Герцен рассуждает о материнстве, являются непосредственным продолжением рассказа о рождении сына.

Герцен пишет о таинстве рождения человека: “Это измученно-восторженное лицо, эту радость, летающую вместе с началом смерти около юного чела родильницы, я узнал потом в Фан-Дейковой мадонне в Римской галерее Корсини” (VIII, 386). “Узнал потом”, – т.е. сначала увидел, понял в жизни, в лице матери своего ребенка.

Герцен очень внимателен к росту, развитию своего первенца. “У моего дофина прорезался зуб”, – читаем мы в его письме к Д.П. Голохвастову (XXII, 73). Он сообщает друзьям о первых словах ребенка. Герцен постоянно исполнен заботливой нежности к сыну. Когда маленький Саша болел, отец, по свидетельству Н.А. Герцена, “не выходил почти из комнаты все время” (XXII, 87). Маленький сын доставляет радость в трудное время новгородской ссылки. Нежные, теплые чувства открывают нам обращения Герцена к сыну в письмах из Петербурга зимой 1843 г.

Родители едины в сознании своего родительского долга, в своих представлениях о будущем ребенка. За несколько часов до рождения сына Герцен записал посвящение еще не родившемуся существу, обрекающее его на "службу человечества" (IX, 93).

В уже упоминавшемся письме к Витбергу Герцен рассуждает: "Мой сын относится ко мне так, как новое поколение к старому, moi, je donnerai la première impulsion^{2*} его верованиям, его убеждениям, я устремлю его к тому или другому, и, следовательно, часть судьбы его зависит от меня. Какая ответственность..." (XXII, 33). Очень близко к этому более позднее высказывание Н.А. Герцен: "Сохранить натуру чистой сколько во мне и у меня есть на то возможности, развить ее настолько, насколько есть в ней возможности – и если натура хорошая, это даст толчок целому ряду в поколении, это проведет далеко, далеко вперед струю чистую, живую – какой подвиг выше этого? Может быть громче, блестящее, но не может быть исполненное любви" (там же).

В идеях о воспитании, в задачах воспитания, как их мыслит Герцен, очевиден просветительский пафос. В письмах и разговорах на эту тему заметно влияние Руссо, социалистов-утопистов, воспитательных романов Гете. Заботясь о раннем чтении, родители помнят и о прогулках и купании в реке. Постоянно отмечают не только ум,мышленность мальчика, но и успехи в физическом развитии.

Публикуемые ниже письма маленького Саши к отцу в Петербург – также существенный штрих к обстановке, в которой воспитывался тогда сын Герцена. Его вежливый поклон слуге Герцена Лаврентию характеризует демократичность семьи. За маленьким Сашей "ходил" и другой слуга Герцена, Матвей (рассказу о нем и его трагической смерти посвящены записи в дневнике Герцена (II, 285) и страницы части IV "Былого и дум" (IX, 102–107). В Покровском Саша играл с крестьянскими мальчиками. Герцен, споря с Грановским о воспитании сына, возражал против приглашения к Саше немца-гувернера. Более принципиальный характер должны были носить разногласия с Витбергом, о которых Герцен упоминает в своей переписке того времени.

Много живых подробностей о раннем детстве Саши мы находим в письмах и "журналах", т.е. дневниках, его матери. Она отмечает в мальчике резвость и ум, сходство с отцом ("Он портрет Александра и лицом, и нравом, и всем" – XXII, 90).

Большое влияние матери Саша испытывал и в первые годы жизни за границей. Со времени отъезда из России младшие дети были рядом с бабушкой, М.К. Эрн и М.Ф. Корш, а Саша, по словам Н.А. Тучковой-Огаревой, "был неразлучен с матерью"⁴. Причиной особого внимания с ее стороны была физическая и нервная хрупкость мальчика; врачи советовали быть особенно осторожными с ним до восемнадцати лет. Близость к матери, в особенности постоянная тревога за его здоровье, способствовали развитию в Саше не только мягкости и душевной тонкости, но и некоторой изнеженности характера.

Под руководством матери осуществлялось первоначальное образование Саши. Именно ее письма содержат живые подробности о занятиях мальчика, его склонностях, интересах, способностях. В пять лет он "говорит немножко по-немецки и читает немножко по-французски" (XXII, 202). У восьмилетнего Саши уже "невероятные успехи во французском языке" (XXIII, 29). В этом же возрасте он начинает учиться рисованию и музыке, а затем и столярному мастерству, фехтованию. Сохранилось письмо Н.А. Герцен, из которого мы узнаем, что занятиями сына в Париже руководила она: "В занятиях Саши я то же, что ключик в часах. Утром он читает или пишет со мной по-русски, играет на фортепьяно, потом Боке-старший остается с ним два часа, в гимнастику он ходит уж один, потом рисование или Рейхель – а вечером приходит к нему немец – создание Ж.-Ж. Руссо – говорить с ним по-немецки" (XXIII, 374).

В возрасте около одиннадцати лет у Саши проявляются наклонности к естественным наукам. Основная роль в их пробуждении, очевидно, играл сам Герцен, но и Наталья Александровна также поддерживала эти способности. Так, она обсуждает с наставником Коли И. Шпильманом покупку пособий для занятий естественными науками, просит Герцена купить для Саши рельефные географические карты. "Саша, кажется, будет натуралист и живописец", – пишет Наталья Александровна (XXIV, 165).

В июле 1850 г. мальчик учится рисовать у какого-то "натуралиста", с которым он будет совершать "ученые прогулки"⁵. В дальнейшем в этих занятиях ведущие роли достанутся одному из крупнейших и известнейших физиологов середины XIX в. К. Фогту и образованнейшему другу семьи Герцена польскому публицисту К.-Э. Хоецкому (см. XXIV, 318).

Интересно свидетельство Тучковой-Огаревой о внешнем облике Саши в этом возрасте: "От 10 до 15 лет он был необыкновенно хорош собой, как мне говорили и как я видела по порт-

^{2*} я же дам первый толчок (франц.).

ртам: его темно-серые глаза, крутой лоб и разлитое во всех чертах выражение ума, доброта и невинность привлекали к нему всеобщее внимание”⁶.

Герцен придавал особое значение воспитанию в сыне чувства личного достоинства свободного человека. Он присматривается к методам воспитания и системам образования во Франции, Швейцарии. Характерно его замечание о “бездущной стертости воспитания” во Франции (X, 70). С другой стороны, ему импонирует все, что способствует воспитанию свободного человека, развитию индивидуальности. Он будет ценить Лондон за “свободу и религию уважения к лицу” (XXV, 7).

Герцен восхищается детским праздником в Женеве, когда школьников после экзаменов собирают для шествия у статуи Ж.-Ж. Руссо. 2 июля 1849 г. десятилетний Саша участвовал в таком празднике⁷.

Идеал свободы – неотъемлемая сторона всех воспитательных задач, которые ставил перед собой Герцен. “Надобно бороться, собою жертвовать...” (XXIV, 178). Вот почему первое, что он будет требовать от свободы, – “зрелость и мужскую твердость характера” (XXVII, 27).

Революционные события 1847–1848 гг. во Франции и Италии, свидетелями которых были Герцен и его семья, усиливали у них революционно-романтические настроения. Это объясняет и восторженно-возвышенные высказывания Натальи Александровны, видящей в своем сыне будущего героя-революционера.

Под влиянием дружбы Герцена с видными деятелями итальянского революционно-освободительного движения Дж. Медичи и К. Пизакане Саша мечтает о борьбе за освобождение Италии. Эта мечта близка к осуществлению в 1860 г. Саша не успел принять участие в военных действиях лишь потому, что армия Гарибальди была распущена после ее победоносных действий на юге Сицилии⁸.

После поражения революции 1848 г. Герцен обращает свой взор к России, с нею связывает он надежды на новый революционный подъем. В письмах этих лет, в таком важном документе, как завещание (составленное во Фрибурге), а затем в посвящении сыну книги “С того берега”, Герцен ставит главной задачей воспитание в детях любви к России. Если не суждено будет ему самому вернуться на родину, в свободную Россию должны вернуться его дети. Он вспоминает о том, как в Москве он и его друзья-единомышленники сдвигали чаши при крике “*За Русь и святую волю!*” Теперь, сохраняя веру в будущность русского народа, он “завещает этот тост” своим детям (VI, 18).

Связи с русской революционной традицией в воспитании сына приобретают все большее значение. Именно таков смысл празднований памяти 14 декабря. Таков же смысл чтения соответствующих глав “Былого и дум”, инсценировки клятвы на Воробьевых горах, ареста, эпизода братания. В сцене клятвы Саша выступал в роли отца, а Тата – в роли Огарева. В сцене ареста, когда Иван Алексеевич надевал образок сыну, Саша чувствовал себя, по его словам, “в положении папы”. В последней картине Саша “давал руку” французу, итальянцу и немцу. “Молодая дама стояла за нами повыше и покрывала нас венцом свободы”, – рассказывает он о финале спектакля (XXV, 219–220).

В этот вечер 14 декабря 1854 г. отец подарил сыну портреты пяти казненных декабристов – “подарок уже юноше, а не дитяти”, – “и полный чести для меня”, – замечает Саша (XXV, 220).

Герцен знакомит сына с русской потаенной литературой. Саша читает Пушкина, Грибоедова и Гоголя, произведения своего отца и Огарева⁹. Много русских книг привез с собой Огарев. Большое место в занятиях Саши занимает русская история. Герцен сам дает эти уроки. Известен герценовский замысел детской книжки для изучения всеобщей истории (см. XXII, 99). В одном из писем к жене Герцен признавался, что “писать для Саши” ему “легче, нежели давать уроки” (XXIV, 188). Имея в виду и уроки своим детям, Герцен написал опубликованные впоследствии в “Полярной звезде” “Разговоры с детьми” (см. XIV, 206).

Большое место в общении с детьми занимало чтение вслух (Шиллера, глав “Былого и дум” и др.) Вслух было прочитано и посвящение “С того берега” (см. XXV, 223–224).

Все эти разнообразные и продуманные методы воспитания напоминают времена юности Герцена и Огарева; оба они также во многом учились свободомыслию из книг. Однако в условиях русской жизни после – декабристской эпохи эти формы были оправданны, как и романтическая эстетика в целом. За книгами следовали испытания тюрьмой и ссылкой, идейная борьба. Опыт русского и мирового искусства вливался в опыт собственной теоретической и художественной деятельности. Теперь же в воспитании сына эстетическое начало приобретало характер, граничащий с искусственностью. Читая сыну собственные произведения, Герцен приобщал его к своим идеям, дарил их, но сам по себе этот дар еще не гарантировал развития идей. Более того, такого рода передача идей по наследству в какой-то мере притупляла дальнейший самостоятельный поиск.

Герцен не мог не сознавать этого. Вот почему он возлагал большие надежды на знакомства и живое общение сына с представителями молодого поколения революционной России. Его будут радовать встречи Саши с Н.А. Серно-Соловьевичем и сближение с И.Г. Борщовым. Саша, возможно, был знаком с участником подпольного харьковского кружка Н.И. Раевским, который, вероятно, посещал Герцена в Путнее до отъезда сына из Англии.

Однако в круг лучших людей России, в первую очередь самого Герцена и Огарева, Александр Александрович поначалу вводился тоже "по наследству"¹⁰, подобно тому, как, благодаря отцу, он познакомился с выдающимися людьми Западной Европы. Он присутствовал, при беседе отца с Р. Оуэном¹¹, общался с Гарибальди, бывал в доме Л. Кошута. В доме отца он встречался с Ф. Орсини, А. Саффи, Дж. Маццини, А. Барбесом, К. Шурцем, практически — со всеми, кто бывал там. Впоследствии А.А. Герцен письменно обращался к В. Гюго.

Эти встречи и знакомства неизбежно ставили молодого человека в исключительное положение. Условия же эмиграции лишали его естественной национальной среды, необходимо общения со сверстниками.

Все усугубилось болезнью и кончиной Н.А. Герцен, вследствие которой семья, уже "оторванная от родины, от своего круга", потеряла "живой центр свой" (XXVIII, 204).

Но незаурядная личность матери, память о ее любви оставили неизгладимый след в жизни сына. В этом коренилась одна из глубочайших основ близости А.А. Герцена не только с отцом, сестрами и Огаревым, но и со всеми, кто помнил и любил его мать, в особенности с М.К. Рейхель и Т.А. Астраковой.

Герцен считал, что образ матери должен соединять его детей в единую семью, сохранять в них представление о "поэзии дома". Из обращений Саши к маленьким сестрам, жившим в то время в Париже у М.К. Рейхель, мы можем видеть, что он этому способствовал. Тате адресованы следующие строки о матери: "Смотри часто на ее портрет и не забывай ее черты" (XXIV, 283).

Очень характерно одно из первых писем Герцена к сыну после отъезда последнего в Швейцарию: "Если поедешь в Ниццу теперь, то постарайся сходить на могилу мамыши один и не бери с собой никого: посторонние рассеивают. Для тебя это посещение должно быть молитвой; так, как в средние века ходили ко гробу Христа, испрашивая сил на жизнь, так и ты, начиная новое существование, разлуку со мной, должен в полном *rescueillement*^{3*} посетить Ниццу" (XXVI, 203).

Герцен надеялся, что в дальнейшем сын станет центром семьи. Этим надеждам по разным причинам не было суждено осуществиться. Но память о Н.А. Герцен на протяжении всей жизни Герцена остается неизменной основой его близости с сыном.

Не только с общественным служением своей родине, но и с идеей семьи у Герцена связаны были и усилия, направленные на сохранение его детьми родного языка и традиций русской культуры. Однако и "поэзия дома", в реальных условиях разъединения семьи Герцена, тоже заключала немалую долю романтического эстетизма. Приобщение сына к своей деятельности, наряду с образованием и выбором профессии, было наиболее реальной задачей в их жизни.

Саша много помогал отцу в связи с созданием Вольной русской типографии. Овладев к тому времени в совершенстве английским языком, он помогал отцу вести его английскую корреспонденцию. По его поручению он снимает копии важных писем ("юношей из России" — XXV, 325, Печерина — XXVI, 22), ведет переписку с родственниками и друзьями в России. Он сопровождал по Лондону многих русских, посещавших Герцена. Пятнадцатилетнему сыну Герцен поручает приведение в порядок своих бумаг в случае смерти (XXV, 260). Сын часто сопровождает Герцена при важных визитах. Он присутствует на лондонском митинге, посвященном памяти революции 1848 г., где выступал Герцен¹², на обеде в честь Гарибальди¹³. Вместе с поляками, отцом и Огаревым 9 февраля 1857 г. он несет гроб С. Ворцеля.

Атмосфера политических интересов и деятельности отца, а с 1856 г. и Огарева, играла большую роль в политическом воспитании Саши Герцена.

Герцен уделяет немалое внимание образованию сына. Эмигрантская среда предоставляла благоприятные возможности для домашнего обучения. Учителями сына Герцена были Ж. Доманже, К. Фогт, Э. Гауг, Г. Мюллер-Стрюбинг, Л. Васбендер, Л. Булевский, М. Домогальский, С. Ворцель, Ф. Альтгауз, В.А. Энгельсон, И.И. Савич. Он занимается русским, французским, английским, немецким и латинским языками, русской и всемирной историей, математикой, географией и рисованием. Уроки математики Саше давал и приезжавший в Лондон декабрист А.А. Тучков, отец Н.А. Тучковой-Огаревой (см. ниже письмо к нему Саши

^{3*} сосредоточенье (*франц.*).

от 25 июля 1857 г.) Вместе с отцом Саша посещает в Лондонском университетском колледже лекции Г. Кинкеля по истории искусства.

Однако Герцена не мог удовлетворить такой характер занятий сына. Он находился вне среды сверстников, не было возможности для трудового воспитания, о чем Герцен неоднократно писал.

У Герцена возникала мысль о парижской Политехнической школе для Саши (см. XXV, 301). Он пытался пригласить в воспитатели к нему публициста Ю. Фрëбеля, с которым находил некоторую общность взглядов (см. XXVI, 239), но Фрëбель, вначале принявший это предложение, вскоре отказался от него из-за "крайних убеждений" Герцена¹⁴.

"Я намерен все больше и больше направлять Александра в сторону естествознания, и он имеет склонность к этим предметам", — пишет Герцен Г. Кинкелю, прося рекомендовать для сына профессора химии и физики¹⁵.

Саша слушает лекции по химии у знаменитого А.В. Гофмана (ученика Ю. Либиха), стоявшего во главе Лондонского королевского химического колледжа, ставит опыты в химической лаборатории, посещает геологический кабинет, слушает курсы физиологии и физики у Дж. Ланкастера. С конца 1856 г. он занимается в Медицинском институте у А. Девиля, усердно работает в анатомическом театре (возможно, по совету отца, посещавшего когда-то анатомический театр И.Т. Глебова, известного анатома и физиолога, учителя С.П. Боткина и И.М. Сеченова).

В 1857 г. А.А. Герцен стал студентом Лондонского университетского колледжа (основан в 1824 г. по инициативе Дж. Бената, имел репутацию "безбожного заведения")¹⁶. Там Александр Александрович в числе других слушал лекции по сравнительной анатомии у профессора Р.-Э. Гранта, с которым Герцен был знаком.

Приписки Саши к сестрам, которые мы находим в письмах отца, обнаруживают в нем наблюдательность будущего ученого-естествоиспытателя. Он работает над книгой "Краткое общепонятное изложение зоологии и сравнительной анатомии беспозвоночных животных"¹⁷. О стремлении к научно-популяризаторской деятельности свидетельствует и желание Саши показать П.В. Анненкову свою статью, которая "может быть интересна детям или людям, начинающим заниматься естественными науками" (XXVI, 189).

Между тем вопрос о более серьезном естественно-научном образовании сына продолжает беспокоить Герцена. Лондонский университет не удовлетворяет его ни уровнем преподавания, ни составом студентов (в нем учились преимущественно сыновья богатых буржуа, слывшие нерадивыми и развратными — см. XXVI, 144). Кроме того, Герцен ясно видел слабые стороны характера своего сына: недостаточную целеустремленность, склонность к легкомысленным увлечениям, подверженность чуждым влияниям. Он надеялся, что самостоятельная жизнь вдали от дома будет способствовать большей духовной зрелости. По мнению Герцена, сын должен был и здесь пройти испытание такой гранью свободы, как отсутствие постоянной опеки близких.

Вопросы дальнейшего образования сына Герцен обсуждал с К. Фогтом, что нашло отражение в их переписке¹⁸.

Еще в 1854 г. Фогт советовал отдать Сашу в женеvскую гимназию. Одновременно он мог бы сдавать экстерном экзамены в Женевской Академии (впоследствии преобразована в университет). В дальнейшем Фогт высказывался в пользу германских университетов, советуя выбрать Вюрцбург или Берлин. Герцен опасался, однако, реакционной политической атмосферы, царившей там, и возможности отрицательного отношения к его сыну.

САША ГЕРЦЕН

Рисунок Н.А. Герцен (карандаш). (Сентябрь-октябрь 1849 г.).

Приложен к письму Н.А. Герцен Эмме Гервег,
(сентябрь-октябрь 1849 г.)

Британский музей, Лондон

Когда в августе 1858 г. А.А. Герцен отправился в Женеvu к Фогту, вопрос об университете еще не был решен. В ближайших после отъезда письмах нередко идет речь и о Вюрцбурге. Лишь в конце октября вопрос решается в пользу Швейцарии, а именно Берна. 3 ноября Александр Александрович приступает к занятиям на медицинском факультете Бернского университета. Выбор факультета был одобрен Герценом¹⁹.

Общее руководство занятиями А.А. Герцена в Берне осуществлял Ф.-В. Фогт, отец К. Фогта. В его семье Александр Александрович и поселился.

В уже упомянутом письме Саши от 18 мая 1859 г. содержится программа его университетских занятий. В своем ответном письме от 3 июня Герцен четко изложил свои мысли об образовании сына, сохраняющие интерес до настоящего времени.

Со времени отъезда А.А. Герцена на континент и до его возвращения из Швейцарии весной 1861 г. переписка становится главной формой общения отца и сына. Ее значение тем более велико, что, поселившись в Швейцарии, Александр Александрович оказался оторванным от деятельности своего отца и Огарева, лишился общения с людьми, причастными к ней, возможности (и необходимости) говорить на родном языке.

Письма Герцена к сыну в этот период можно рассматривать и изучать не только как ценный источник биографических фактов и историко-культурных реалий. Они представляют собой своего рода литературное произведение, целостное в своей проблематике и форме, напоминающее воспитательный роман в письмах. Герцен дорожит сюжетной связью между своими письмами, постоянно ссылается на предыдущие, напоминает о наиболее важных, просит хранить их и время от времени к ним возвращаться.

В этом отношении немногие известные нам ответные письма Герцена-сына, при всем значении их как биографических документов и звеньев переписки, меркнут на фоне писем отца и отчасти объясняют нередко испытывавшееся Герценом недовольство сыном.

С присущей Герцену свободной манерой общения разговор об учебных занятиях переходит в обсуждение серьезных научных, социальных и политических проблем. При этом пронизывающий все письма герценовский идеал "полного", гармоничного человека позволяет тесно связать вопросы науки, философии, политики с нравственными проблемами. Личности, отвечающей этому идеалу, присуще то обобщение "внутреннего", которое означало, по понятиям Герцена, выход личных чувств и переживаний к общественным проблемам и общечеловеческим идеалам. Это человек борьбы, равно неизбежной и в науке, и в социальной жизни. Открытость общественным вопросам времени и участие в общественной борьбе эпохи — ядро, центр нравственной тяжести личности, тот "груднтон", который и в частной жизни "заправляет" страстями (XXVII, 23), не давая человеку подчиниться им. Такой личности свойственна цельность, основанная на единстве слова и дела, богатство традиций и самобытность, непрерывность внутреннего развития и определенность "национальной физиономии". Ей противопоставит своеобразный "антигерой". Его вариации — филистер, гуртовой тип мещанина, рантье послереволюционной эпохи, обыкновенный средний человек, трудолюбивый, вполне добропорядочный и чистый в своей семейной жизни, но лишенный общественных интересов; наконец, почтенный швейцарский профессор, далекий от политики, скованный семейной рамой, которая суживает его понятия, "делающий деньги". Антигерой выступает в письмах Герцена как Warnung^{4*} (см. XXVII, 101, 109).

Герцен постоянно отмечает степень близости сына к тому или другому из обозначенных полюсов. Конкретизируя свой идеал, он указывает Саше прежде всего на его покойную мать и на Огарева.

Трудно переоценить воздействие на сына личности самого Герцена и личности Огарева, столь многогранно проявившееся в их письмах к нему.

Приведение к единству, обобщение "внутреннего", у Герцена всегда было результатом колоссальной духовной работы. Он рассчитывал, что переписка будет способствовать такой работе в сыне. "Писать ко мне должно быть для тебя действием почти религиозным — тут исповедь твоего поведения, тут продолжение единственной связи — которая, независимо от всего, ведет тебя...", — писал Герцен 5 ноября 1858 г. (XXVI, 219). Герцен надеялся, что письма к нему сына будут способствовать его сосредоточенности, необходимому прояснению мыслей и чувств. "Я, разумеется, вперед предполагаю святую открытость и непоколебимое доверие — но вынашивай больше в себе", — советовал он сыну (XXVII, 24). Герцен очень большое значение придавал "приведению к слову" мыслей, чувств, переживаний. В духе традиции передовой русской культуры 1840-х годов он видел в слове не только средство общения, средство воздействия человека на других людей, но и орудие самопознания и самовоспитания. Слово,

^{4*} предостережение (нем.).

по Герцену, неразрывно связанное с “импровизацией поведения”, в известной мере выражало и “эстетику поступков” как одну из важнейших сторон действий человека, о которой Герцен писал сыну позднее (см. XXIX, 148).

Поддерживая в сыне интерес к своей и Огарева деятельности, Герцен регулярно посылает ему “Колокол” и другие издания Вольной русской типографии, делится с ним политическими новостями из России, отправляет вырезки из русских и западноевропейских газет. Он одобряет интерес сына к крестьянскому вопросу, помогает ему собрать материал для статьи о крепостном состоянии в России.

Свою статью “Война” Герцен просит сына перевести на немецкий или французский язык и показать товарищам. Он просит рекомендовать русским студентам книги по естествознанию. Письмо Александра Александровича от 18 мая 1859 г. свидетельствует о его живом интересе к изданию “Колокола”, к политическим событиям в Европе. Вполне вероятно, что он знакомил своих товарищей с произведениями отца.

Однако многие письма Герцена пронизывает неудовлетворенность. Он чувствовал, что сын не захвачен его делом; что идеалом его все больше и больше становится семья Фогтов – чистая, трудолюбивая, но далекая от общественных интересов; что его сын чем дальше, тем больше “отворачивается от борьбы” (XXVII, 28). «Мне (...) больно, что “Колокол” – призывающий массы и артиста – мало зовет тебя», – писал Герцен сыну 13 февраля 1860 г. (там же, 18). Саша “заметно перестает быть русским”, – с тревогой и болью констатирует Герцен (XXVI, 288).

В начале 1860 г. Герцен мечтает о поездке сына в Россию на год, на два, на три, хотя бы в качестве путешественника-натуралиста, чтоб иметь возможность “присмотреться к иной арене”. План этот осуществить не удалось.

Мотив “Warnung” все чаще появляется в письмах Герцена. Так, он всплывает в связи с новым увлечением Саши, приведшим к его помолвке с Эммой Урих, внучкой Ф.-В. Фогта. Герцен опасался раннего брака сына, усматривал в этом браке покой, гавань, которые окончательно отвлекут молодого человека от общественной борьбы. К тому же и со стороны Эммы он не видел “особенной любви” к своему сыну. Не вызывали симпатии и родители невесты – владельцы плантаций и рабов на острове Тринидад. Герцен писал в связи с обсуждением помолвки сына: “Я увидел, насколько чужим я становлюсь для своего сына (...) Мы с Александром не понимаем друг друга, и это ранит мое сердце” (XXVII, 69).

Между тем личные сюжеты переписки Герцена с сыном 1858–1861 гг. и последующих лет, обнаруживают для современного читателя те противоречия в нравственно-этических воззрениях Герцена, углубление которых будет связано с новым кризисом его просветительских идей во второй половине 1860-х годов.

Говоря о “новом человеке”, Герцен не раз высказывал свое стремление воспитать в своих детях “образчики иной жизни”, т.е. людей исключительных, какими считал и себя, и Огарева, и Наталью Александровну. Однако идеалы порой вступали в противоречие с реальной жизнью, а эстетические цели расходились с социальным опытом.

В марте 1861 г. А.А. Герцен блестяще окончил Бернский университет, получив степень доктора медицины.

“В России идет борьба (...) насмерть”, – писал тогда Герцен (XXVII, 25). “Колокол” стал одним из факторов революционной ситуации. В биографии сына Герцена начинается новый этап – время наибольшей близости его к отцу и его революционной деятельности.

После окончания университета А.А. Герцен совместно с К. Фогтом совершил путешествие вдоль берегов Норвегии, на остров Ян-Майен и в Исландию (отправились 29 мая 1861 г. на шхуне “Joachim Hinrich” из Гамбурга)²⁰. Александр Александрович выполнял не только научные эксперименты (изучение обитателей морского дна и северных птиц), но и важные поручения отца по налаживанию связей с норвежскими книготорговцами и разведыванию путей распространения изданий Вольной русской типографии²¹. “Что я в твоём путешествии не могу видеть только ученую экспедицию – я думаю, что ты это и сам оправдаешь”, – писал Герцен сыну (XXVII, 109).

Это путешествие предварило последующую поездку в Швецию в 1863 г., о которой речь пойдет ниже.

В Гаммерфесте, бывшем главным местом русской торговли, А.А. Герцен общался с русскими капитанами, матросами и купцами. В результате его общения был открыт еще один путь распространения “Колокола”.

Северное путешествие, часть которого проходила за Полярным кругом, в целом было серьезной жизненной школой для молодого ученого. Длившееся свыше четырех месяцев, оно

таило и немалые опасности. Шхуна едва не погибла в проливе у острова Ланге, едва выдержала бурю по пути с Ян-Майена к югу Исландии. На суше приходилось прокладывать дорогу среди скал, болот и озер. По свидетельству К. Фогта, написавшего об этом путешествии книгу, “доктор Герцен” не только увлеченно выполнял научные исследования, но и мужественно вел себя в сложных условиях²².

Вскоре после путешествия, в конце 1861 – начале 1862 г. А.А. Герцен выполняет ответственное поручение отца в Гейдельберге, ставшем к тому времени одним из центров молодой эмиграции. Там предполагалось основать еще одну русскую типографию. Александр Александрович участвовал в сборе средств для нуждающихся студентов, исключенных из российских университетов. Речь на устроенном в его честь обеде в Гейдельберге, с которой он выступал от имени Герцена и Огарева, высказанное ему уважение со стороны представителей молодой России, вызвали у Герцена удовлетворение. 21 декабря 1861 г. он писал сыну: “Желаю, чтоб ты этим путем шел, чтоб я мог всегда и твердо опереться на тебя и тебе завещать часть нашего дела” (XXVII, 203–204)²³.

В этот период вновь выясняются возможности возвращения А.А. Герцена в Россию. Герцен пишет И.С. Тургеневу 2 декабря 1861 г.: “Сын мой больше и больше хочет ехать в Россию. Как бы узнать, что надобно делать и с кем посоветоваться. Само собою разумеется, что об уступках и речи нет” (XXVII, 200).

В 1862–1863 гг. А.А. Герцен – активный участник русского революционного движения. В феврале 1863 г. по предложению заграничного представителя “Земли и воли” А.А. Слепцова он становится членом этой тайной революционной организации. “На него возложены были обязанности связного между Лондоном, Гейдельбергом и Парижем”²⁴. Как ответственный член “Земли и воли” А.А. Герцен причастен к деятельности организации в ее помощи польскому восстанию²⁵. С этим связано новое посещение Гейдельберга и Карлсруэ. “Там в это время идет сбор денежных средств и мобилизация сил для создания русского легиона в Польше”²⁶. Это очевидно из письма А.А. Герцена к молодому ученому-революционеру В.О. Ковалевскому от 7 апреля 1863 г.²⁷ На основании новых фактов Е.Л. Рудницкая приходит к определенному выводу: “Герцен-младший деятельно сотрудничал с революционной Польшей”²⁸. 21 марта 1863 г. А.А. Герцен провожает экспедицию в помощь польским повстанцам, возглавляемую Ф. Лапинским и И. Демонтовичем в порт Саутенд до парохода “Ward Jackson” (см. XXVII, 300). Общность взглядов Герцена и его сына по польскому вопросу подтверждается и письмом А.А. Герцена к С.Л. Левицкому от 8 апреля 1863 г. (см. ниже).

В письме, дошедшем до нас в перлюстрационной копии, А.А. Герцен послал отцу вырезки из газет с публикацией его письма «Редактору “Morning Star”» от 28 февраля 1863 г. Очевидно, эти публикации были осуществлены при деятельном участии Герцена-младшего. Идет там речь и о переговорах с представителями французских газет по поводу дальнейших публикаций этого письма Герцена²⁹.

Новые сведения о поездках А.А. Герцена в Париж, По и Бордо содержатся в его письмах к сестрам от марта 1863 г. (см. ниже). Хотя в них по конспиративным соображениям и не говорится конкретно, какие именно поручения выполнял А.А. Герцен, некоторые детали не оставляют сомнений в их характере (в По он был принят как “сын звонаря”). Это подтверждается и письмом Герцена к Тате и Ольге от 12 марта 1863 г.: “Саша третьёгодни воротился, исполнив все поручения и съездив еще в Гейделберг” (XXVII, 297).

В роли заграничного агента “Земли и воли” А.А. Герцен совершает в мае–июне 1863 г. поездку в Швецию, имея поручения от Герцена и Огарева по распространению изданий Вольной русской типографии, организации типографии в Швеции и по связи с деятелями финского демократического движения. Это подтверждается письмом Герцена к Э. Квантену, где говорится, что сын “отличнейшим образом” сможет заменить его, “без досадного замедления” работы над “Колоколом”³⁰ (см. также письмо А.А. Герцена к Квантену³¹). Факты, относящиеся к политической деятельности А.А. Герцена в Швеции, позволяют судить о значительных ее результатах – и в организации связей с Россией через Финляндию, и в отношениях с финскими демократами, и в организации типографии.

Из писем Огарева к А.А. Герцену мы узнаем, что в руках последнего в мае–июне 1863 г. был не только “шифт”, присланный из Лондона, но и “машина”.

В это время А.А. Герцен находится под тайным надзором российской и международной полиции.

Деятельность его в Швеции дальнейшего развития получить не смогла вследствие изменения политической обстановки в России. Поэтому планировавшаяся на июль 1863 г. его поездка в Гаммерфест не состоялась.

Еще во время встречи в Париже, куда по вызову А.А. Слепцова приезжал А.А. Герцен, тот поделился с ним своими “сомнениями, разочарованием в революционном пути изменения

жизненного строя”³². Возможно, эти сомнения разделял и А.А. Герцен, но на его деятельности в Швеции это не сказалось. В речи на банкете в Стокгольме он подчеркивал, что выступает “от имени русской молодежи”, от имени общества “Земля и воля”³³.

Революционная ситуация в России в революцию не перешла. Весной 1864 г. “Земля и воля” самораспустилась. Герцен уже в апреле 1863 г. не видел в ней не только “готовой силы” революции, но даже ее “живого зародыша” (XXVII, 316).

Это и определило прежде всего отход А.А. Герцена от революционной деятельности. Вместе с тем Герцен, несмотря на успехи сына в Швеции, высказал мнение об отсутствии у него политического таланта (XXVII, 387). Некоторую роль в этом выводе мог иметь конфликт А.А. Герцена с М.А. Бакуниным во время их пребывания в Швеции. В новейших исследованиях подчеркивается, что причины конфликта носили принципиальный характер, отражая в известной степени расхождения в тактике политических действий между Герценом-старшим и Бакуниным. Установлено также, что разжигание конфликта входило в задачи агентов III Отделения в Швеции.

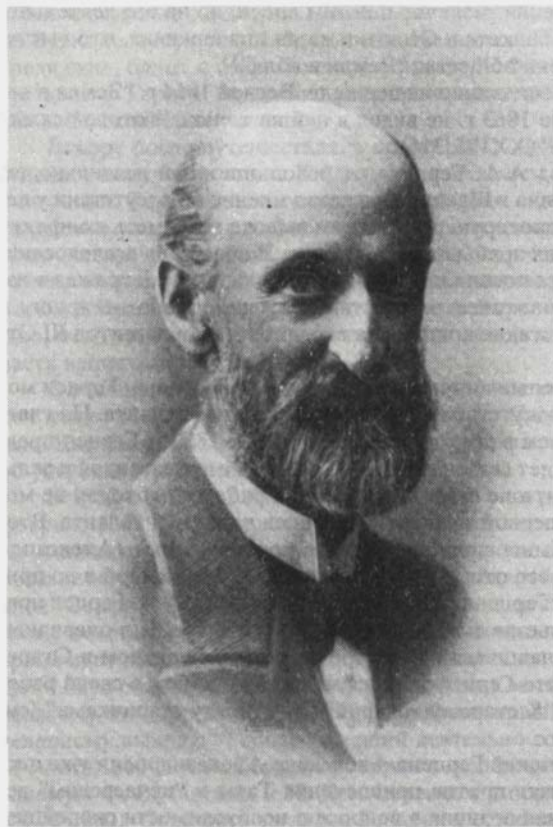
По-видимому, здесь сказались и некоторые личные недостатки А.А. Герцена. Герцен мог учитывать их, формулируя свой вывод об отсутствии у сына политического таланта. Но главную причину такого вывода мы усматриваем в другом. Уже с середины 1863 г. Герцен предвидит, что его дальнейшая деятельность будет связана в первую очередь с пропагандой и дальнейшим развитием революционной теории, а не с организационной работой, которая не может делаться за границей. К выполнению первой задачи А.А. Герцен и не имел таланта. Вторая для него отпадала и по названным выше принципиальным соображениям (Александр Александрович не мог не знать мнение своего отца). Она становилась невозможной и по причине все более осложнявшихся отношений Герцена с “молодой эмиграцией”. А.А. Герцен присутствовал вместе с отцом на женевском съезде эмигрантов в конце 1864 г. и был очевидцем этих разногласий. Имели значение и намечавшиеся противоречия между Герценом и Огаревым по тактическим вопросам. Известно, что Герцен делился мыслями с сыном о своей работе над первоначальным вариантом писем “К старому товарищу” – “Между старичками” (см. XXX, 24).

Несомненно, что в соответствии с позицией Герцена Александр Александрович уже после смерти отца будет решительно возражать против привлечения Таты к “нечаевским” делам³⁴. Это подтверждает и его решительная позиция в вопросе о необходимости скорейшей публикации писем “К старому товарищу” в “Сборнике посмертных статей Герцена”, а также собственного перевода на французский язык этого произведения (приложением к книге “С того берега”)³⁵. Поторопиться с этими публикациями А.А. Герцена побудило письмо Нечаева от имени несуществовавшей “Народной расправы”³⁶. К этому эпизоду, как мы полагаем, относится публикуемая в настоящем разделе записка А.А. Герцена к С. Тхоржевскому от марта или июня 1870 г.

В конце 1863 г. А.А. Герцен принимает решение обосноваться во Флоренции и вскоре становится сотрудником лаборатории физиологических исследований Спеколы – центра естественных наук Италии. Вначале он работает ассистентом известного физиолога М. Шиффа, который возглавлял одновременно кафедру физиологии в Институте высших наук при Спеколе. После отъезда Шиффа в Женеву А.А. Герцен в 1877 г. сменил его на этих постах. В сентябре 1869 г. ему было присвоено звание почетного профессора.

В 1881 г. Государственный совет швейцарского кантона Во пригласил А.А. Герцена возглавить кафедру физиологии в Высшей медицинской школе в Лозанне. В 1891 г., когда Лозаннская Академия была преобразована в университет, он принял участие в организации в нем медицинского факультета и руководил там кафедрой физиологии вплоть до своей кончины 24 августа 1906 г.

Как ученый-естествоиспытатель А.А. Герцен отличался широтой научных интересов. Важнейшие темы его исследований названы им самим в письме к Огареву от 22 сентября 1869 г. (см. ниже). Библиография его трудов, приведенная в посвященном его памяти номере “Revue Médicale de la Suisse Romande”³⁷, содержит работы, относящиеся к физиологии нервной системы животных и человека, физиологии пищеварения, физиологии высшей нервной деятельности (“психофизиологии”). В статье К. Пико (в указанном выше номере “Revue Médicale...”) отмечено, что А.А. Герцен был ученым, выдвинувшим “много новых и оригинальных идей”. Мы не располагаем работами, в которых содержался бы компетентный и обстоятельный анализ научных трудов А.А. Герцена в области физиологии. Однако представляется, что некоторые из них могли бы заинтересовать и современных ученых, не говоря уже об историках естествознания. Заслуживает внимания полемика А.А. Герцена и И.М. Сеченова по вопросам физиологии нервной деятельности (ср. А.А. Герцен. “Expériences sur les centres modérateurs de l’action reflex”, Турин, 1864, и И.М. Сеченов. “О за-

А.А. ГЕРЦЕН
Фотография. 1880-е годы
Музей Герцена, Москва

держивающих рефлексы центрах" – "Медицинский вестник", № 42, 1864, отдельное издание – СПб, 1866 г.).

Наиболее глубокая из известных нам характеристик научных взглядов А.А. Герцена содержится в обращении к нему "Письме о свободе воли" Герцена (см. XX, 438–443). Герцен имел в виду и дискуссии по этой проблеме во флорентийском кружке ученых, и уже вышедшую работу сына "Studio fisiologico sulla volontà" (Firenze, 1867).

А.А. Герцен не возвысился до уровня философии своего отца. Его труды, посвященные вопросам высшей нервной деятельности человека, как и философской проблеме свободы воли, остаются в сфере естественно-научного материализма. Этот вывод, по-видимому, можно отнести и к тем статьям "О применениях физиологического объяснения воли к социологии", которые А.А. Герцен называет в вышеупомянутом письме к Огареву от 22 сентября 1869 г.

Широкий резонанс имела научно-популяризаторская деятельность А.А. Герцена. Он был известен как блестящий лектор, одинаково легко говоривший на французском, итальянском, русском, английском и немецком языках. Дар лектора и популяризатора в своем сыне высоко ценил Герцен, присутствовавший на его лекциях во Флоренции. Об одной из таких лекций упоминает сам Александр Александрович

и подробно рассказывает его сестра Тата в их совместном письме к Огареву от 12–13 января 1867 г. (см. ниже).

В пропаганде материализма и последовательном атеизме определенно сказались те традиции, в которых Герцен воспитывал сына, как и молодое поколение передовых людей России.

Это особенно выявили столкновения А.А. Герцена с политическими ретроградами и клерикальной партией в науке. Письма А.А. Герцена к Огареву, публикуемые в настоящем томе, дополняют известные нам прежде факты этой борьбы. Весной 1869 г. А.А. Герцен вступил в открытое столкновение с руководителем Спеколы Ф. Парлаторе, занявшим этот пост после смерти в 1868 г. известного итальянского физика и астронома, прогрессивного политического деятеля К. Маттеучи. А.А. Герцен читал лекцию, направленную против Парлаторе.

Вместе со своим учителем М. Шиффом он защищал материалистические взгляды в борьбе с другим реакционером – сенатором Р. Ламбрускини. Конкретным поводом для столкновения была лекция А.А. Герцена "О родстве между человеком и обезьянами", прочитанная им 21 марта 1869 г., в которой поставленная проблема трактовалась в духе учения Дарвина.

Эта борьба А.А. Герцена, как и М. Шиффа, получила поддержку Герцена. В целях антиклерикальной пропаганды Александр Александрович вместе с Шиффом, Я. Молешотом и К. Фогтом пытался создать журнал позитивистского направления. Издание его не состоялось, но знаменательна готовность Герцена участвовать в таком журнале.

Герцен гордился выступлениями сына против клерикальной партии. Несомненно, что научные занятия, а затем научная деятельность А.А. Герцена, общение с ним Герцена и Огарева способствовали дальнейшему развитию их философских воззрений. Знаменитое письмо Герцена "О свободе воли" было результатом такого общения.

Как педагог А.А. Герцен, в духе просветительских и утопически-социалистических тра-

дий отца, интересовался прогрессивными методами образования и воспитания. Он посвятил специальную работу эксперименту Р. Оуэна в его школе в Нью-Ленарке³⁸.

На многие европейские языки была переведена французская брошюра А.А. Герцена "Наука и нравственность"³⁹.

В рассуждениях о физиологических основах нравственности А.А. Герцен остается в русле современного ему позитивизма. Однако заслуживает внимания трактовка им социального аспекта проблемы. Исходя из понимания человека как общественного существа, А.А. Герцен истолковывает нравственность как искусство соединения индивидуального и социального поведения со свойственными человеку эгоизмом и альтруизмом. Эгоизм вытекает из инстинкта сохранения индивидуума, а альтруизм – из инстинкта сохранения рода. Нельзя не отметить в этой работе и стремление к конкретно-историческому истолкованию нравственности как совокупности правил, которыми руководствуются в своем поведении люди. Правила эти различны в разные эпохи, но "с развитием цивилизации" имеют тенденцию стать всеобщими. В работе используются также понятия совести индивидуальной и корректирующей ее совести коллективной.

Традиция Герцена в этой работе наиболее ощутима в просветительском пафосе автора.

Еще в начале 1864 г., считая в дальнейшем невозможным для сына политическое поприще (XXVII, 425), Герцен указывает ему две области: естественные науки и "где случится, что-нибудь сделать для нашей русской пропаганды" (XXVII, 421).

В июне 1866 г. он обещает прислать во Флоренцию французский перевод своих статей "Из Петербурга" (XIX, 85–88), "Письмо к Александру II" (XIX, 81–82), с тем, чтобы сын "сунул" их в журналы и дал читать знакомым (XXVIII, 190).

Герцен продолжает оказывать влияние на сына своими работами и суждениями о политической обстановке в Европе и России, держит его в курсе своей полемики с Бакуниным по славянскому вопросу.

Из письма Огарева к А.А. Герцену нам известно, что последним, после его посещения Женева в конце марта – середине апреля 1868 г., была написана не известная пока нам статья или корреспонденция о стачке строительных рабочих. По-видимому, и здесь играло роль влияние Герцена, пристально следившего в конце жизни за социальным движением⁴⁰.

Значительным политическим выступлением А.А. Герцена было его открытое письмо во французскую газету "Siècle" от 12 июня 1870 г. (опубликовано 19 июня), направленное против клеветнических выступлений К. Блинда в венской "Neue Freie Presse" от 9 февраля 1870 г., оскорблявших память его отца.

В письмах к А. Леви (от 25 марта, 22 и 28 апреля 1877 г.) А.А. Герцен обнаруживает широкую осведомленность в истории русского революционного движения⁴¹. В 1890 г. в Париже вышла брошюра А.А. Герцена о положении рабочих в России ("Peuple russe et son gouvernement").

О политических интересах А.А. Герцена, его внимании к внешней политике России свидетельствует и публикуемое ниже письмо его к русскому самодержцу Николаю II от 30 марта 1898 г.

В специальном выпуске "Revue Médicale", посвященном памяти А.А. Герцена (см. выше), К. Пико охарактеризовал его не только как заслуженного ученого, но и как человека высоких моральных достоинств.

Для характеристики А.А. Герцена, каким он был уже после смерти отца, большой интерес представляет его переписка с Огаревым. Ниже публикуются его письма к Огареву от 29 декабря 1874 г. и 24 декабря 1875 г. Свыше ста писем Огарева к А.А. Герцену напечатано в книге 1-й наст. тома).

А.А. был примерным семьянином, отцом большой семьи, вырастил десятидетей⁴², которых нежно любил и мудро воспитывал. Некоторые из них сделали крупными специалистами в разных областях науки.

Представляет интерес и публикуемая ниже "Объяснительная записка" ("Mémoire explicatif"), относящаяся, судя по пометке на ней рукой сына А.А. Герцена Николая, к 1897 или 1898 г.⁴³. Мы узнаем из нее не только подробности о судьбе материального наследства Герцена, но, главное, об отношении к этому наследству его детей.

А.А. Герцен поступил в соответствии с завещанием своего отца, предложив разделить все наследство поровну (тогда как по швейцарским законам ему полагались две трети), позаботившись о том, чтобы не только сестры Тата и Ольга, но и Лиза получили равные доли. После смерти Лизы, вопреки пожеланию, высказанному ею в предсмертном письме⁴⁴, несмотря на материальные затруднения, испытываемые его многочисленным семейством, он разрешил сложившуюся ситуацию в пользу Таты и Ольги. При этом в "Записке" подчеркнуто, что Тата своей постоянной помощью брату фактически возвращала ему ту часть наследства отца,

которая была получена ею после смерти Лизы. Тата, как известно, выплачивала впоследствии и долю брата, предназначавшуюся для помощи Огареву.

“Записка” интересна и еще в одном отношении: подлинной буржуазной практичностью А.А. Герцен так и не овладел.

Потребности большой семьи вынуждали его изыскивать дополнительные средства к тем, которые он имел от своей преподавательской деятельности^{5*}, и процентов с капитала, полученного от отца. С этим связана организация им компании по переработке мяса на основе открытого им же способа консервирования (см. ниже комментарий к письму А.А. Герцена Огареву от 29 декабря 1874 г.)⁴⁵. Такого рода деятельность вполне укладывалась в жизненные традиции европейских ученых. Коммерческими делами, например, занимался и К. Фогт. В свое время Герцен сам советовал сыну подумать о каком-нибудь практическом деле (см. ХХІХ, 258). Поначалу “дело” шло успешно. Однако, рассказывая в “Записке” о материальном положении своей семьи, А.А. Герцен признает свою “органическую неспособность вести дела”. Он потерял крупную сумму на продаже виллы. Едва ли не к разорению семьи привела поездка в Новую Мексику (Пеко) сыновей Петра и Николая (вслед за Тутсом), привлеченных рекламой и надеявшихся разбогатеть. Все это вело к постоянному уменьшению основного капитала из наследства Герцена. Однако обстоятельство это по-своему плодотворно сказалось на воспитании внуков Герцена, который не раз говорил об отрицательных последствиях ренты для своих детей⁴⁶.

При альтернативе: получение наследства и сопряженный с ним отказ от получения высшего образования или образование за счет ликвидации оставшегося капитала, сыновья А.А. Герцена предпочли “капитал знаний”. При этом они отказались в пользу сестер и матери от той доли наследства деда, которая могла им принадлежать. “Я их очень одобряю”, — пишет А.А. Герцен. Здесь, по-видимому, были немаловажными пример отца, его отношение к собственным сестрам.

С особым чувством признательности отмечает А.А. Герцен в “Записке” экономию, энергию и самоотверженность своей жены.

Счастливая семейная жизнь А.А. Герцена опровергла многие из опасений отца относительно его женитьбы на Терезине Феличи. Об этом писала и Тучкова-Огарева: “Тут он становится неизменным другом Терезины и отцом и прекрасен в этой роли до конца”⁴⁷. Это подтверждается и публикуемыми ниже письмами А.А. Герцена к Огареву, и письмами Н.А. Герцен, и ее Записками о женитьбе А.А. Герцена на Терезине и Н.А. Герцена на Рашели⁴⁸. Письма и “Записки” Н.А. Герцен позволяют почувствовать ее глубокую привязанность к брату и его семье. “У каждого свое понятие о счастье... пусть он живет себе счастливо по-своему”, — писала она отцу 22 марта 1868 г. В этом же письме она высказывает сомнение в справедливости желания отца, чтобы дом Саши стал домом его сестер. Сама она в доме брата была родным человеком. Что же касается Ольги, то здесь завет отца не был выполнен и по причинам, не зависевшим от А.А. Герцена: у нее сложилась собственная семья, а ее отдаление от родных было во многом предопределено влиянием М. Мейзенбург. Судя по письму Александра Александровича к Огареву от 29 декабря 1874 г., его отношение к семье Моно было теплым (см. ниже). Но позиция Ольги в “денежном споре”, возникшем в связи с наследством Лизы, не могла не оставить неприятного следа в душе брата. Спор этот был одним из самых больших огорчений в его жизни.

“Как оценить и взвесить долю, падающую на человека, и ту, которая падает на среду?” — писал Герцен в “Былом и думах”, размышляя над судьбой одного из своих современников (Х, 316).

Если поставить этот вопрос в отношении судьбы его собственного сына, то ответ будет тоже далеко не однозначным.

В личном “доля”, падающая на человека, видится более явственно.

Документы, которыми мы располагали, позволили видеть человеческие качества А.А. Герцена в их сильных и слабых, светлых и темных сторонах, по-разному отозвавшихся в жизни отца, жизни и судьбе других близких ему людей.

Общественная же судьба А.А. Герцена в большей своей доле была обусловлена социально-исторически. Сначала спад революционного движения в России, а затем продолжающаяся вынужденная оторванность от родины не позволили сыну Герцена продолжить путь отца. И это безотносительно к его способностям и склонностям, к иному масштабу личности. Последнее, однако, тоже имело немаловажное значение. А.А. Герцен был, по сравнению со своим отцом и с Огаревым, обыкновенным человеком. Революционные ситуации активизируют дея-

^{5*} Во Флоренции после отъезда М. Шиффа он получал 2000 фр. в год, а в Лозанне — 4000 фр.

тельность таких людей. Так произошло и с А.А. Герценом в период революционной ситуации в России, на коротком отрезке его общего с Герценом и Огаревым политического пути.

В его дальнейшей жизни мы наблюдаем несомненный след идейной и духовной близости с отцом и Огаревым.

Особенно важно отметить заслуги А.А. Герцена в публикации произведений и переписки его отца и Огарева, в согласии передать на родину их архивы (последнее, впрочем, могло быть тогда осуществлено лишь в малой мере)⁴⁹.

В начале 1890-х годов А.А. Герцен написал на французском языке (вероятно, заказанную ему) заметку об отце для какого-то французского, швейцарского или бельгийского энциклопедического справочника. Заметка эта проникнута глубоким уважением к Герцену, его общественно-политической деятельности и творчеству. Она имеет чисто фактографический характер, и публикация ее вряд ли была бы здесь целесообразна.

Свидетельством неутраченной связи А.А. Герцена с родиной является переезд в Россию одного из его сыновей – Петра Александровича (еще при жизни отца, в 1897 г.). Заслуги П.А. Герцена, выдающегося врача, возглавившего школу сначала русских, а затем советских хирургов-онкологов⁵⁰, позволяет связывать имена деда и внука “больше, чем узами родства”⁵¹.

Судьба сына явилась подтверждением и той мысли Герцена, что жизнь не всегда развивается в соответствии с самыми передовыми и прекрасными идеями и теориями. В отношении судьбы своей семьи Герцен не скрывал эту истину ни от себя, ни от детей. Какими бы горькими ни были выводы, у Герцена они всегда вливались в исторически плодотворные раздумья.

Усилия же, которые прилагал Герцен, стремясь воспитать в своих детях “новых людей”, идеал общественного борца и гармоничной личности, постоянно одушевлявший его в воспитании сына, принадлежат к непреходящим идейным и нравственным ценностям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Портрет работы неизвестного художника (1839). См. его воспроизведение в VIII (между с. 384 и 385).

² Аналогичные высказывания встречаются и в других сочинениях и письмах Герцена.

³ См. письма Герцена к своей невестке Терезине в книге 1-й наст. тома.

⁴ См. *Тучкова-Огарева*, 57.

⁵ См. “Лит. наследство”, т. 64, с. 295.

⁶ См. выше, с. 275.

⁷ Об этом празднике Герцен рассказывает в “Былом и думах” (см. X, 97).

⁸ См. об этом в “Лит. наследство”, т. 62, с. 546–547.

⁹ Герцен просит для Саши у М.К. Рейхель “Евгения Онегина” и еще “томик-другой” Пушкина. «Еще Пушкина для Саши – тот том, где “Арап Петра Великого” и еще повести»; лучшую новую грамматику русскую (...) и лексикон с русского; “Мертвые души” (XXV, 53, 66, 72, 78).

¹⁰ См. об этом в “Лит. наследство”, т. 64, с. 540.

¹¹ См. там же, т. 96, с. 48–49.

¹² См. *Мейзенбург*, 319.

¹³ См. XXV, 159.

¹⁴ “Лит. наследство”, т. 64, с. 142.

¹⁵ Там же, с. 184.

¹⁶ Там же, с. 57.

¹⁷ Книга вышла в Лондоне в 1862 г., в издательстве Н. Трюбнера.

¹⁸ “Лит. наследство”, т. 96, с. 87–175. См. также ниже письмо А.А. Герцена к отцу от 18 мая 1859 г.

¹⁹ К. Фогт советовал также агрономический факультет.

²⁰ А.А. оставил очерк о своем путешествии – “Сквозь туман” (опубликован анонимно в “Северной пчеле” от 8 марта 1862 г.; см. также: “Una gita a Jan-Mayen” del d(ottore) A.N. F(irenze), 1870).

²¹ См. “Лит. наследство”, т. 41–42, с. 82; т. 96, с. 369; *Проблемы...*, 507.

²² См. К. Ф о г т. Путешествие на Север вдоль Норвежского берега на Нордкап и остров Ян-Майен и Исландию, предпринятое с мая по октябрь 1861 г. доктором Георгом Бёрне в сопровождении К. Фогта, Г. Гассельгорста, А. Гросслиха, А. Герцена и описанное К. Фогтом. СПб., 1867.

²³ О переменах, происшедших с братом, Тата Герцен сообщила М.К. Рейхель: “Саша вдруг переменялся с поездки в Heidelberg – он сделался совсем политическим человеком, втрое больше интересуется русскими делами и вместе с этим ужасно работает, пишет зоологию и два раза в неделю дает нам уроки естественных наук; единственная его мечта теперь – как можно скорее возвратиться в Россию” (XXVII, 212).

²⁴ См. “Лит. наследство”, т. 96, с. 369–370.

²⁵ Там же, т. 63, с. 128.

²⁶ Там же, т. 96, с. 370.

²⁷ Там же, т. 63, с. 140.

²⁸ Там же, т. 96, с. 370.

- ²⁹ Там же, т. 63, с. 128–129.
³⁰ ЛЖГ, III, 474.
³¹ См. “Лит. наследство”, т. 96, с. 387.
³² См. запись в дневнике А.П. Сусловой от 22 октября 1863 г. о впечатлении, произведенном на нее А.А. Герценом через полгода: “Это какой-то отчаявшийся юноша” (“Годы близости с Достоевским”. М., 1928, с. 65).
³³ Проблемы..., с. 511–512.
³⁴ См. “Лит. наследство”, т. 99, с. 413–546.
³⁵ Для “Сборника посмертных статей” А.А. Герцен написал предисловие, однако оно помещено не было.
³⁶ См. “Лит. наследство”, т. 41–42, с. 163; т. 96, с. 554–555.
³⁷ 1906, № 9.
³⁸ “Roberto Owen e lo esperimento di New-Lanark”. Firenze, 1870; 1871.
³⁹ Русское издание – СПб., 1896.
⁴⁰ См. “Лит. наследство”, т. 64, с. 685–748.
⁴¹ См. Проблемы..., 514–517.
⁴² От Ш. Гётсон – Александр (Тутс, 1863–1933); от Т. Феличи – Владимир (1869–1945), Алексей (1870–1961), Петр (1871–1947), Ольга (1872–1922), Николай (1873–1929), Нерина (1874–1951), Уго (1875–1957), Нелла (1876–1956) и Эдуард (1877–1936).
⁴³ Фотокопия этого документа получена редакцией “Лит. наследства” из ВРУГ и передана на хранение в РГБ.
⁴⁴ См. АО, 214.
⁴⁵ А.А. и в дальнейшем продолжал заниматься исследованиями в этой области.
⁴⁶ Нельзя не упомянуть в этой связи и письмо А.А. к М.К. Рейхель от 3 апреля 1875 г.: “Я бы не желал, чтобы Тутс знал, что я и, следственно, он, может быть, делается богатым; на меня это не может иметь дурного влияния, я слишком стар и своего житья-бытья не переменю; но на молодого это может очень дурно подействовать” (РГБ, ф. 69, 23, 35).
⁴⁷ См. выше раздел “Н.А. Тучкова-Огарева”.
⁴⁸ Сокращенный русский перевод Л.Р. Ланского “Как женился сын Герцена” см. в его публикации: Неизданное... затерянное... забытое... (Из записной книжки литературоведа) // Наука и жизнь. 1974. № 10. С. 125–127.
⁴⁹ См. об этом в статье С.В. Житомирской “Судьба архива Герцена и Огарева” (“Лит. наследство”, т. 96, с. 549–640).
⁵⁰ Имя П.А. Герцена присвоено Московскому онкологическому научно-исследовательскому институту.
⁵¹ См. Б. Шубин и Ю. Грицман. Внук Искандера (“Советская Россия”, 1983, 12 декабря).

ГЕРЦЕНУ И Н.А. ГЕРЦЕН (ЗАХАРЬИНОЙ)

Публикация Л.И. М а т у ш е н к о и И.М. Р у д о й

До недавнего времени известно было лишь одно письмо А.А. Герцена к отцу – от 8 марта 1863 г. (опубликовано в т. 63 “Литературного наследства” по перлюстрационной копии) – и две его телеграммы о болезни сестры Таты от 28 и 29 октября 1869 г. (там же, т. 41–42, с. 528; ср. ЛЖГ V, 274). Основная масса писем, вероятно, уничтожена самим А.А. Герценом или его наследниками.

Письма, случайно уцелевшие и включенные в настоящую публикацию, относятся к детству, отрочеству и университетской юности Саши Герцена.

В письмах 1846 г. можно наглядно видеть, как воспитывается в семилетнем Саше первое “направление ума и сердца”, как рано складывается в нем серьезное отношение к окружающему и внимание к близким. Все домашние живут в этих письмах, даже девятимесячная Лиза, имя которой как будто добавлено позже – может быть, после напоминания матери. В этот круг включен слуга Лаврентий, привязанность к которому поощряется (в отличие от времени, когда сам Герцен был ребенком). Саша, видимо впервые, учится и культуре письма – точно указаны место написания и дата. Атмосфера дома Герцена, пронизанная гуманностью, ощущается в детских и отроческих письмах Саши.

Письма от 6–8 и 9 июля 1851 г. дополняют комментарий к главе “Былого и дум” о свидании Герцена с женой в Турине.

Характерно, что в рассказе о туринской встрече в “Былом и думах” не говорится о письмах сына. Это умолчание неотделимо от самой сути этой встречи. “Нам надобно было еще раз